

Гырыны потон

В весенний день год кормит – непреложной истине земледельцы следуют не одну тысячу лет. Но в удмуртской культуре до XX века просуществовал обычай, когда в самый ясный весенний день в поле сельчане сознательно выходили не работать, а праздновать. С молитвами, песнями и жертвоприношениями проводили обряд первой борозды – главный праздник народного календаря, посвященный началу весенней страды. Согласно верованиям удмуртов, от успешного проведения этого обряда зависели и урожай, и жизнь деревни, поэтому готовились к нему тщательно. Северные удмурты этот обряд называли Гырыны потон, южные – Акашка. Праздник длился от 3 до 7 дней, и все его ритуальные действия: конные состязания молодежи до или после выезда в поле, символическая вспашка первой борозды и разбрасывание яиц вместе с зерном, объезд дворов верховыми и дарение им яиц – были направлены на успешное проведение земледельческих работ, повышение благосостояния крестьянского хозяйства. Обязательным было моление старейшин в родовом святилище, а молодежь в это время отмечала совершеннолетие. В наши дни обряд первой борозды нередко становится самым зрелищным номером различных массовых гуляний.

С утра пораньше

Подготовка к проведению обряда начиналась задолго до праздника: собирался совет старейшин, они договаривались о дне выхода в поле и контролировали весь процесс – все ли приобретено для посевной, отремонтирован и налажен ли земледельческий инвентарь, все ли работники готовы к тяжелой пахоте и хватает ли у них зерна на семена. Лошадь для первой борозды выбиралась всей деревней – самая лучшая и сильная.

Перед назначенным днем все мылись в бане. Утро праздничного дня начиналось с жертвоприношения: в поле у реки в честь матери-земли резали утку, обещая при этом осенью, если родится богатый урожай, принести в жертву более ценное животное – барана или гуся. У северных удмуртов по возвращении домой с реки было принято приносить жертву и лешему – вместе с женой и домашними. Для этого на стол ставили миску с кашей на молоке рядом с приготовленной заранее берестяной коробочкой, куда клали ложку каши, втыкали в нее старую ложку и непременно молились – за сохранение домашнего скота от диких зверей и злых людей. Берестяную коробочку хозяин уносил к изгороди и оставлял на пеньке. Семья в ожидании хозяина ничего не предпринимала и, как только он возвращался, приступали к трапезе, по окончании которой первый раз после зимовки выгоняли скот на отгонные пастбища – огороженные участки леса, где он находился до глубокой осени. Собственно этим и объясняется особое почитание в этот день лешего, под покровительство которого оставляется скот на все лето.

Все обряды исполнялись утром с таким расчетом, чтобы успеть сделать все нужное до выезда на пашню. В поле каждая семья отправлялась после полудня, одевшись в самое лучшее платье. Пахать обычно начинал всеми уважаемый пожилой человек – капчи кие (с легкой руки). Пропахав немного, он клал в борозду кусочки от принесенных яств, деньги, горбушку хлеба, на нее – некрашеное яйцо. Считалось, что оно также предназначено матери-земле, и только после этого свою первую борозду прокладывали другие семьи. Вспахивали немного, очень быстро поле превращалось в один большой стол: на земле расстилались белые скатерти, женщины приносили различную еду. У каждого действия в этот день было свое предназначение, потому и за угощения принимались только после того, как старший из семейства делал еще одно подношение земле: клал в неглубокую лунку в борозде небольшие порции угощений, поливал их самогоном или пивом и просил предков помочь ему в пахоте, уберечь урожай от града, от истребления птицами и насекомыми. И только после молитвы разрешалось отведать принесенной еды.

Затем начинался сев с обязательным соблюдением последовательности обряда. Глава семейства насыпал в лукошко зерна, туда же клал покрошенные в желтый цвет куриные яйца, которые при севе время от времени бросались вместе с семенами на почву в знак того, чтобы зерна нового урожая уродились такой же величины и цвета. Яйца наперебой расхватывались детьми, забежавшими вперед сеятеля. Те, которые набирали яиц больше, считались самыми счастливыми. Если малыши часто спотыкались и падали, то это считалось признаком того, что в настоящее лето хлебные колосья будут склоняться под тяжестью своих зерен к земле. Завершали обряд выезда на пашню хождением с полосы на полосу и угощением принесенными блюдами и напитками.

Пир на весь мир

По окончании работы все участники сева собирались в одном месте, устраивали пир и проводили скачки. Считалось – чья лошадь придет первой, тот и пахоту закончит первым. Наездника-победителя угощали специально приготовленной кашей, девушки дарили ему нарядно вышитую чалму. В этом обряде четко прослеживались элементы почитания лошади. Ее заводили в избу, давали взбитые яйца, пиво, демонстрируя этим свое уважение к ней: именно от коня зависело, насколько быстро и хорошо управится крестьянин с севом.

Жители деревни пожилого возраста ходили из дома в дом, угощаясь, исполняя приуроченные песни календарного и семейно-бытового жанра. В них звучали: обращение-просьба к божествам о богатом будущем урожае и благодарение за содействие, восхваление родственных отношений, дружной совместной жизни как гарантии дальнейшего существования рода.

У молодежи в это время были свои развлечения – они катались по улицам деревни на верховых лошадях, а с закатом солнца собирались для хоровода на площади. Игры и хороводы, начиная с первого дня выезда на пашню, продолжались по ночам непрерывно, вплоть до полевой страды.

Через некоторое время, чаще на другой день, в поздней традиции – сразу после совершения обряда выезда на пашню, удмурты устраивали проводы льда – торжество по случаю вскрытия реки. В основе празднества и жертвоприношения – умиловление духа реки с пожеланиями поить водами реки людей и скот, орошать поля и луга, предохранение от засухи и неурожая, пожаров и мора.

Акашка

У южных удмуртов празднование первой борозды – Акашка – слилось с Пасхой, поэтому несколько отличалось от традиционного Гырыны потон. Празднество начиналось в воскресенье, в этот день проводили малое обрядовое гостевание, когда родственники по мужской линии ходили в гости только в своем кругу, начиная обход домов с самого старшего в роду. В понедельник начиналась непосредственно Акашка. В доме главного жреца варилась обрядовая каша, которой угощали всю

деревню. Во вторник проводили катание на лошадях. Молодые парни разъезжали верхом по деревне, подъезжали к воротам или окну, пением выпрашивая причитающиеся им вино или яйца. Хозяйка каждого дома выходила с подношениями к воротам, подавала через забор или в окно. Большой честью для хозяев дома, да и хозяина лошади, был въезд верхом прямо в избу. В таком случае и лошади оказывались большие почести: ее угощали вином, взбитыми яйцами. Южные удмурты верили – это принесет удачу в скотоводстве и уродится хлеб. Удачливым считался и тот, кто набирал больше всего яиц. Во многих деревнях парни, набрав яиц, шли на специально проводимые в эти дни игры.

В последующие дни Акашку провожали, и главными участниками обряда были пожилые женщины. «Оседлав» ивовые прутья, они имитировали езду на лошадях, ходили из дома в дом, угощаясь и напевая обрядовые песни. В отдельных деревнях в эти дни девушки на выданье собирали по деревне крупу, чтобы сварить кашу для трапезы в специально отведенном для этого месте – под обрядовой елью или просто на улице.

Источник: Ситникова Ж. Гырыны потон / Ж. Ситникова // Деловой квадрат. – 2014. - № 5. – С. 82-84.